

Действие немецкого плана «OST» на территории Шебекинского района

Неимоверные страдания и лишения принесли гитлеровцы нашему народу и народам других стран. В оккупированных странах фашисты насаждали свой человеконенавистнический «новый порядок». Исходя из своих теорий о господстве «высшей расы», они разработали кровавые методы господства над другими народами. Их политику в отношении народов оккупированных стран наиболее цинично выразил в июле 1940 г. один из фашистских главарей Вальтер Функ, заявивший, что «расе низшего уровня требуется меньше жизненного пространства, меньше одежды, меньше пищи и меньше культуры, чем расе высшего уровня»¹.

Фашисты лишали поработанные народы национальной государственности, национальной культуры. Они превращали захваченные страны в свои колонии, а населяющих их людей низводили до положения рабов.

Всюду, куда ступала нога солдата гитлеровской армии, царили смерть и разрушения. Указ фюрера Германии освобождал военнослужащих вермахта от преследования за преступные деяния в отношении гражданских лиц на оккупированных территориях. Перед нападением на СССР ОКВ (главное командование вооруженными силами Германии) довело до сведения трех миллионов солдат руководящие указания. Они требовали принятия «беспощадных и энергичных мер против большевистских подстрекателей, партизан, саботажников и полного искоренения любого активного и пассивного сопротивления»². Эти приказы дополнялись шумной кампанией пропагандистской машины Йозефа Геббельса против «славянских недочеловеков». Но Гитлер все же не доверял своим связанным традиционными сословными нормами генералам, он не верил, что они смогут быть так жестоки, как ему бы хотелось, и потому не довольствовался одними лишь призывами к жестокости. Все устремления Гитлера и всего нацистского руководства нацеливаются на ликвидацию разницы между ведением войны в привычном смысле и действиями «зондеркоманд». Серией директив из ведения вермахта изымается административное управление захваченными территориями, оно передается специально назначаемым рейхскомиссарам. Одновременно рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру поручается организовать спецгруппы для выполнения специальных задач в тылу наступающей армии. На совещании в Прецше, в мае 1941 г., руководитель службы имперской безопасности Гейдрих довел до командиров этих групп приказ об уничтожении всех «неполноценных азиатов».

Фашистская идеология немецкого национал-социализма появилась в 20-е годы XX века. Ее письменным источником является книга «Майн кампф» («Моя борьба»), написанная Гитлером. Это «произведение» стало священной книгой фашистов, и не только немецких. В ней нашли свое отражение теории превосходства одной расы над другой, необходимость борьбы за жизненное пространство.

5 ноября 1937 г. проходила встреча Гитлера и руководителей германского государства: министра иностранных дел фон Нойрата, военного министра фон Бломберга, а также фон Фрича, Редера, Геринга. Гитлер выступил с речью, в которой изложил следующие мысли (записаны полковником вермахта Хосбахом): «Если видеть цель немецкой политики в обеспечении и приумножении народа, то тут же наталкиваешься на проблему пространства; все экономические и социальные трудности можно устранить исключительно за счет преодоления нехватки пространства, от этого просто зависит будущее Германии. ...жизненное пространство Германии расположено на континенте, для решения германского вопроса может быть только один путь – путь насилия. После того как такое решение принято, речь может идти только о времени и наиболее благоприятных обстоятельствах для применения силы. Через несколько лет условия могут измениться в невыгодном для Германии направлении. И решить эту проблему надо не позднее 1943 – 1945 гг.»³.

Этими словами Гитлер заявил о своих планах экспансии. Он обосновал необходимость ускорить реализацию этих планов тревожным положением в области снабжения Германии сырьем и продовольствием, чудовищным перенаселением страны, где на 1 кв. км, приходится 140 чел.

В мае 1940 г. руководство фашистской Германии приступило к разработке плана покорения народов Восточной Европы, получившего название «OST». Гитлер и его рейхскомиссары по «жизненному пространству» рассматривали восток Европы как пустые, лишённые исторического прошлого территории. Были мысли о том, чтобы жителей-славян частью выселить (в Сибирь, в Латинскую Америку)⁴, часть истребить, а некоторых превратить в рабов, в слуг германского слоя господ.

Фашистское руководство хотело создать великую империю во главе с Германией. Она должна была охватывать подавляющую часть Европы, обширные районы Азии, часть Африки. На этих землях необходимо создать строгую социальную иерархию: национал-социалистическая знать, широкая элита членов партии, простые граждане, все эти три слоя были призваны властвовать над слоем покоренных чужеземцев, над миллионами современных рабов.

Особое место в плане «OST» отводилось Советскому Союзу. Гитлер планировал захват территории СССР вплоть до Уральских гор. Оккупированная земля разделялась на четыре рейхскомиссариата (Остландия, Украина, Кавказ, Московия). Страшная участь была уготована советским людям. Рейхсфюрер СС Г. Гиммлер был назначен «рейхскомиссаром по укреплению немецкой народности», и ему поручено подготовить восточные территории к осуществлению ширококомасштабной программы их нового заселения. Но встает законный вопрос: «Что будет с людьми, населяющими эти территории? Как Г. Гиммлер должен подготовить захваченные земли к колонизации?». Ответ на вопросы дает Альфред Розенберг – рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий. В памятной записке, выпущенной возглавляемым им министерством, предлагалось: «...из 45 миллионов жителей российского Запада 31 миллион должен будет принудительно переселен в другую страну,

либо уничтожен⁵. «При личной встрече А. Розенберга с фельдмаршалом Федором фон Боком, рейхсминистр распространялся о будущем захваченных территорий и 40 миллионов жителей предлагал заморить голодом⁶.

План «OST» и внесенные в него дополнения были до того бесчеловечны, что рассказывать об истинных намерениях нацистов в отношении оккупированных восточных земель строжайше запрещалось.

22 июня 1941 г. немецкая армия, вооруженная по последнему слову техники и «накачанная» фашистской идеологией, напала на нашу страну. В октябре 1941 г. гитлеровцы вошли на территорию Шебекинского района; а летом 1942 г., после неудачного наступления Красной армии, полностью заняли район.

Это было время, когда в городе и районе вводился германский «новый порядок». В бывшем особняке помещика Мансурова, где сейчас расположена средняя школа № 3, разместился штаб одной из немецких частей. Появились новые учреждения: немецкая комендатура, городская управа. Новые хозяева города начали приводить в исполнение план «OST» и сопутствующие ему директивы. Фашисты освобождали землю для будущего заселения; они уничтожали людей, старались сделать их жизнь невыносимой. Об этом свидетельствует рассказ Марии Даниловны Мацокиной, 1907 года рождения, уроженки г. Шебекино: «В период оккупации немцами г. Шебекино, с 14 июня 1942 г. по 9 февраля 1943 г., я проживала на оккупированной территории г. Шебекино. За это время немецко-фашистскими извергами было арестовано и расстреляно десятки ни в чем не виновных советских граждан. Лично я сама была дважды арестована и во время допроса немецким офицером, приехавшим из Волчанской ставки гестапо, подвергалась мучительным истязаниям. Офицера звали Ганс, фамилия не известна. Первый раз была арестована 21 июля 1942 г., но через два дня была освобождена под подписку о невыезде из города. Второй раз была арестована 14 сентября 1942 г. После ареста я была брошена в грязный, душный, без света, глухой подвал дома бывшего владельца сахарного завода Ребиндера. В подвале находились другие советские граждане, более 30 человек. Во время нахождения в подвале арестованных совершенно не кормили, даже не давали воды. Арестованные питались за счет передач, приносимых родственниками и знакомыми. В числе арестованных были и женщины, которые помещались в одном подвале с мужчинами.

15 сентября 1942 г. около 18 часов в подвал явился немецкий солдат с двумя полицейскими, и они повели меня в одну из комнат комендатуры г. Шебекино, где офицер из гестапо по имени Ганс при помощи переводчика подверг меня допросу. Из допроса я поняла, что меня обвиняют в связи с партизанами. Во время допроса немецкий офицер, не добившийся желательных для него ответов, руками схватил меня за живот и изо всей силы стал давить, требуя от меня желательных для него ответов. После этого офицер подтащил меня к двери, схватил мои руки, пальцы обеих рук просунул между дверями и начал постепенно зажимать, причиняя мне ужасную боль. Переводчик же требовал от меня признания, обещал освободить, в противном случае угрожал подвергнуть избиению резиновой палкой, которая лежала там же

на столе. Скоро я потеряла сознание и очнулась снова в подвале, в беспмятном положении находилась не помню сколько. Осматривая себя, я обнаружила, что кисти рук опухшие, в кровоподтеках, пальцы же рук раздавлены с раздроблением костей.

22 сентября 1942 г. в 8 часов я из подвала была выпущена совместно с одним военнопленным, с которым выкачивали воду на водокачке, в саду машзавода, из машинного отделения завода. В силу этих обстоятельств я оказалась очевидцем расстрела 11 советских мирных граждан, там же в саду машзавода, в числе которых были лица, сидевшие вместе со мной в подвале. Процесс расстрела мне хорошо был виден и слышен через окно подвального помещения водокачки.

Днем 22 сентября 1942 г. в сад привели арестованных: Свищева Степана Михайловича, Шаповалова Ивана Петровича и предложили вырыть яму, т.е. расширить и углубить воронку от авиабомбы; после чего их снова увели в подвал. В этот же день, около 16 часов, 4 немецких солдата и 4 полицейских привели к выше названной яме 4 арестованных: Кравцова Алексея Захаровича (городской голова, назначенный немцами, арестован за помощь партизанам), Коробко Петра, Старченко Константина Федосеевича, Свищева Степана Михайловича. Недалеко от ямы стояли 4 немецких офицера, один из них дал приказ раздеть всех арестованных до нижнего белья и поставить на колени у ямы. После того как вышеуказанные жертвы немецких палачей были поставлены на колени у ямы, по команде офицера 4 солдата подошли к ним в упор и расстреляли всех четверых. В это же время 4 полицейских привели в сад еще четыре человека арестованных, в числе которых были: Кравцова Мария Алексеевна (дочь Кравцова А.З.), Котлярова (Мирошниченко) Анастасия Ивановна, Шевцов Сергей Иосифович, Шаповалов Иван Петрович – все четверо в таком же порядке, как и первая группа, были расстреляны. <...> После расстрела второй партии были приведены полицейскими еще три человека: Роганина Нина и двое неизвестных для меня мужчин, которые были расстреляны в том же порядке, что и первые 8 человек. Пока фашистские изверги производили расстрел, сад и дорога к саду были оцеплены солдатами, а 4 офицера, руководившие расстрелом, стояли в стороне и истерически хохотали.

Мне также известно, что на второй день вступления немецких войск в г. Шебекино, т.е. 15 июня 1942 г., был зверски замучен захваченный в плен старший лейтенант Красной Армии, фамилию которого установить не удалось. Издевательства и истязание над старшим лейтенантом немецкие солдаты и офицеры производили на хуторе «Пятилетка» во дворе гражданки Поповой Марии, где мы его обнаружили на второй день после ухода этой части, под сараем, и вместе с другими женщинами с нашей улицы произвели похороны. Все женщины, участвовавшие в похоронах, осмотрели труп старшего лейтенанта, причем обнаружили следы зверской расправы, как-то: оба глаза были выколоты, все тело было исколото каким-то острым предметом, а на спине была вырезана пятиконечная звезда.

В день расстрела 11 советских граждан (т.е. 22 сентября 1942 г.) был расстрелян житель г. Шебекино Золотин при следующих обстоятельствах:

Золотин будучи больным лежал в больнице, куда явились немецкие солдаты и на носилках вынесли его на улицу, во двор спиртзавода, где прямо на носилках по приказанию немецкого офицера расстреляли и зарыли там же»⁷.

Свидетельство Мацокиной М.Д. о зверствах оккупантов по отношению к мирным гражданам и военнопленным в Шебекинском районе не единично. Об этом свидетельствует рассказ гражданина Репина Евдокима Алексеевича, 1884 г. рождения, уроженца и жителя с. Устинка Шебекинского района: «... в период оккупации ... проживал у себя дома в селе Устинка. <...> Примерно через два дня после захвата немцами села староста села с ведома немецкого командования и коменданта г. Шебекино начал производить массовые аресты советских граждан, всего было арестовано свыше 15 человек и через несколько дней расстреляли безвинно: Кононова Евдокима Прокофьевича, Вечерина Ивана Егоровича. Лагутина Михаила Федоровича, а еще через некоторое время были расстреляны: Захарченко Виктор (13 лет), Захарченко Анастасия (мать Виктора). Все они расстреляны по инициативе и доносу старосты – Роганина Ивана.

Кроме того расстреляли одного командира и 3-х красноармейцев ... одного красноармейца с ведома коменданта староста Роганин Иван и старший полицейский за то, что он пробирался из плена к своим и попросился ночевать у старосты, где его задержали, тут же вывели его в лес и расстреляли; остальных: командира и 2-х красноармейцев расстреляли немцы на хуторе Устинском, там же их и закопали. Фамилий и из какой части были командир и красноармейцы мне не известно»⁸.

За время оккупации с июня 1942 г. по февраль 1943 г. в г. Шебекино и Шебекинском районе фашисты уничтожили 146 мирных граждан. Сотни людей лишились крыши над головой, немцы сжигали их дома дотла. В селе Безлюдовка гитлеровцы подожгли все дома. Оккупационная политика обрекала людей на голод. У населения отбиралось все – хлеб, домашний скот. Жители сел, деревень, города ходили по убраным полям в надежде найти съестное; ходили, рискуя жизнью, т. к. немецкое руководство под страхом расстрела запрещало людям делать это.

Немецкий план «OST» по освоению нового «жизненного пространства» действовал. Но кроме очищения территории для колонизации, гитлеровцы осуществляли заранее спланированное, организованное превращение местных жителей в бесплатную, дармовую рабочую силу, в рабов. Опираясь на предателей, немцы вводили трудовую повинность, заставляя население работать в интересах Германии и фашистской армии. Немецкая комендатура пыталась восстановить Шебекинскую и другие МТС, промышленные предприятия. Но в первую очередь гитлеровцы нуждались в продуктах питания. Старосты и полицаи выгоняли крестьян на поля; за невыход штраф, за повторный невыход – 25 розг, в случае отказа работать – расстрел. Население облагалось непомерными налогами: с каждой коровы 90 литров молока в месяц, с курицы от 6 до 20 яиц в месяц и т.д. Еще более тяжелые испытания выпали на долю тех шебекинцев, которых угоняли на принудительные работы в Германию. Еще 7 ноября 1941 г. в Берлине состоялось секретное совещание, на

котором Герман Геринг дал своим чиновникам указание об использовании советских людей на принудительных работах. В секретном циркуляре от 4 декабря 1941 г. говорится: «Немецкие квалифицированные рабочие должны работать в военной промышленности; они не должны копать землю и разбивать камни, для этого существует русский»⁹. 20 апреля 1942 г. Фриц Заукель – главный уполномоченный по использованию рабочей силы – заявил в своей программе: «Необходима мобилизация гражданских квалифицированных рабочих и работниц из советских областей в возрасте старше 15 лет для использования их на работе в Германии...»¹⁰. Вооруженные этими распоряжениями немецкие оккупационные власти начинают отправку работников в Германию. Не минула эта беда и Шебекинский район. Из воспоминаний жительницы г. Шебекино Е.Г. Кирик (место рождения село Кушано):

22 октября 1942 г. мы собирали недалеко от села Купино подсолнухи. Еще издали заметили мужчину, который шел в нашу сторону не разбирая дороги. Им оказался полицай из наших местных. Подойдя, он обратился ко мне и сказал, чтобы я шла домой. От матери узнала, что я в списках подлежащих отправке в Германию. Полицай добавил, чтобы я собиралась, ибо отправлять будут завтра, т.е. 23 октября. Собрали нас в Купино человек 20. Пешком, под конвоем полицая и представителя комендатуры нас погнали на станцию Нежеголь. По прибытии всех нас сразу затолкали в вагон, в котором перевозили скот, и заперли. Кроме нас в вагоне еще находилось десятка три молодых женщин и девушек. Оказывается, они здесь томились уже более суток. Часов через 10 товарняк тронулся. Куда везут, зачем – никто не знал. Ехали долго – дней восемь. Часто останавливались, для пополнения эшелона новыми людьми. В конце концов прибыли в Германию, в город Дрезден. Когда открыли вагоны, то оказалось, что нас уже ждали: взвод эсесовцев с собаками. Наш вагон в полном составе сразу отправили в распределительный лагерь.

В лагере нас держали под открытым небом полдня и всю ночь. Было уже начало ноября – многие простудились. Наутро нас построили и начали «просеивать» на три группы. В первую – самых здоровых (физически), во вторую – стройных, в третью остальных. Как позже выяснилось: первую группу направляли на завод, вторую к хозяевам (или, как их называли, «купцам»), правда денег они не платили, просто тыкали пальцем в понравившуюся девушку и забирали).

Я попала в первую группу. В ней было человек 15. Нас сразу, под конвоем солдат с овчарками, строем отправили в бараки. Они размещались почти на окраине города. Были обнесены колючей проволокой, внутри нары в два яруса; грубо сколоченный, почти на всю длину барака стол, такие же скамейки, окна и двери зарешечены. На ночь закрывались ставнями. На 70 человек один туалет и умывальник.

Так я оказалась на заводе. Здесь работали не только пригнанные из других стран, но и немцы. Я попала на обработку «болванок» для деталей. Легче было вскопать гектар земли, чем ее обработать. Для каких целей они предназначались, я и до сих пор не знаю. Работали по 12 часов: с 6 утра и до 6 вечера. В других цехах по 16 часов. На работу и с работы нас водили стро-

ем под конвоем. В день выдавали по 250 г хлеба и «бланду» из свеклы и моркови, через некоторое время – 150 г хлеба, а к концу – 100 г хлеба и «бланду» из кожуры свеклы и моркови. Пробыла я там 2 года 8 месяцев. Самое страшное было упасть на рабочем месте или заболеть. Прямой путь в концлагерь без всяких оправданий.

Рядом с нашим бараком находился мужской барак. Иногда тайком мужчины приходили в наш барак, чтобы навестить земляков и знакомых. Так я познакомилась с Кирик Александром Тимофеевичем. Однажды он принес котелок сырой картошки. Я вызвалась сварить ее в цеху. Делили один котелок на 30 человек. Вкуснее той картошки я до сих пор в жизни ничего не ела. Через неделю он принес еще. Но кто-то выдал. Не знаю, чем бы это закончилось, если бы я на следующий день в цеху не рассказала обо всем мастеру Марте (вернее, Марии, отец ее был немец, мать русская; жили в России, но после революции уехали в Германию). Она-то и подсказала, что если бы у него была семья, то его перевели бы в семейный барак, куда фашисты почти не заглядывали, ибо считали, что с созданием семьи они «молодых» навечно «привязывали» к Германии. И я согласилась. Перед «свадьбой» приодели: Саше дали старенький костюм, брюки, ботинки. Рубашку, как смогла, сшила из белой ветоши, которую выдавали для протирки станков. Меня тоже как-то нарядили, даже светлые туфли наши.

Через год родилась девочка. Назвали ее Валею.

Освободили нас русские – 15 апреля 1945 г. Через месяц, после проверки, мне разрешили выехать на Родину. Сашу отправили в действующую армию в Чехословакию. Вернулась я в Купино 25 июля 1945 г. И только в декабре 1946 г., перед Новым годом, вернулся Саша.

Мое возвращение в селе восприняли по-разному. Большинство – с пониманием и сочувствием. Находились и те, кто осуждал, но это были, как правило, те, чьи родственники прислуживали немцам»¹¹.

Сотни тысяч мужчин и женщин угнали фашисты на принудительные работы в Германию. Этот поток начинался в таких же, как в Шебекинском районе, селах и деревнях; он укрупнялся в районных центрах, районных железнодорожных узлах; еще более увеличивался в областном центре; а на границе нашего государства превращался в огромную волну дешевой рабочей силы для экономики Германии.

На местах (в Германии) рабочие были отданы на произвол гитлеровским надсмотрщикам. За «похлебку» рабочие вынуждены были выполнять тяжелую, изнурительную, продолжавшуюся по 14-16 (женщины 12) часов работу. Все зависело от воли хозяина, он мог заставить работать и по 17-20 часов. Любой протест был недопустим, с протестующими поступали сурово; отправляли в концлагерь на «перевоспитание». А это часто заканчивалось смертью.

Чем дольше вела войну фашистская Германия, тем все сильнее и сильнее на состоянии немецкой экономики сказывался недостаток рабочей силы. Мобилизация трудоспособной части населения Третьего рейха в армию привела к тому, что промышленность, сельское хозяйство лишились многочисленных кадров. Фашистское правительство, руководствуясь планом «OST» и

дополнениями к нему, приказывает: увеличить количество вывозимой рабочей силы с Востока. На оккупированных территориях начинается в буквальном смысле «охота» за людьми. Их хватали на улицах, в домах, на вокзалах; их похищали, держали под вооруженной охраной и заставляли работать до тех пор, пока они не умирали от болезней, голода и истощения. Бесправие, чрезмерный, истощающий силы и здоровье труд, плохое (а иногда никакое) питание, отсутствие медицинской помощи создавали невыносимые условия существования. Вспоминает Долженко Вера Григорьевна: «Немцев на нашем хуторе не было. Примерно раз в неделю наведывались полицаи по 3-4 человека, как правило, на двух подводах, за продуктами и выпивкой. Назначали определенный день. Чуть ли не доводили план, кому и что приносить: яйца, молоко, творог, сало, самогон и т. д. Останавливались они постоянно у родственницы одного из них, целый день гуляли, а к вечеру загружались и уезжали. Но в начале октября приехали двое верхом. Собрали всех жителей: стариков, женщин, детей. Один из них зачитал список лиц, подлежащих отправке в Германию. В этом списке оказались и мы с сестрой. Мне в сентябре исполнилось 20 лет, а сестре было 22 года. Дали час на сборы и предупредили, что если кто не явится или сбежит, то у тех сожгут дома.

Нас было шесть человек. Пешком привели в Логовое. Здесь нас переписали. В течение всего дня немцы и полицаи все приводили и приводили людей. Набрал человек 70, построили в колонну и под охраной погнали на станцию «Шебекино». Здесь стояло 4 или 5 вагонов. Разбили примерно на три равные части и затолкали в них. Мы с сестрой оказались в разных вагонах. В вагоне, в который я попала, уже было человек 20. Устроилась на свободном месте, на соломе, возле девушки, которая плакала и все время причитала: «Мама ничего не знает». Оказывается, она пришла проводить свою подругу то ли из Устинки, то ли из Крапивного (провожающих тогда было много), и конвой ее тоже затолкал в вагон. Продержали нас около суток. Ехали долго. Знали только одно, что в Германию. По пути добавляли и добавляли людей. 26 октября оказались в Лейпциге. Когда открылась дверь вагона, никто не сдвинулся с места, тогда двое немцев начали нас силой выталкивать из вагона. Построили, пересчитали. Я все время глазами искала сестру. Но ее не было. Подошла переводчица и сказала, что сейчас накормят, а затем поведут в общежитие. Дали горячего напитка, коричневого цвета, с запахом, напоминающим кофе (после этого я кофе не пью, не переношу запаха) и буханку хлеба на троих.

«Общежитие» представляло собой двухэтажный кирпичный дом с двумя большими комнатами наверху, на первом этаже было что-то вроде столовой, туалет и умывальники. Оказывается, раньше это была больница для душевнобольных. Везде грязь, сырость. В некоторых окнах не было стекол. Вместо них были вставлены куски железа. Здание не отапливалось. Выходить на улицу и во двор строго воспрещалось. Здесь нас продержали три дня. Затем вывели во двор, построили. Во дворе стояло человек 20 покупателей, меня «купила» пожилая немка – фрау Эльза. По дороге к ее дому она завезла меня в парикмахерскую (она принадлежала ей). Здесь меня осмотрел мужчина, как выяснилось впоследствии, парикмахер: нет ли у меня вшей, а затем отрезал

косу. Коса была длинная – ниже пояса. Неделю о ней плакала. Работала я в этой парикмахерской уборщицей. Месяца через три уже сама начала потихоньку стричь. Раз в месяц давали выходной. Я обошла весь город – все сестру искала, но так и не нашла. Встретились мы с ней только в сентябре 1945 г. дома. Оказывается, их вагон отцепили в Бресте, а оттуда уже в Германию. Она работала у хозяина в сельской местности. Вернулась больной, больше молчала, а до войны веселей ее на хуторе не было. Умерла в начале 1947 г.

Перед наступлением наших войск Эльза сбежала. Я жила в ее квартире неделю одна. В этом же доме, в подвале, было бомбоубежище. Сначала прятались человек по 40-50: немцы, французы, поляки, русские. Всех национальностей не перечислишь. Но с каждым разом становилось все меньше и меньше.

Однажды спускаюсь по лестнице, хотела бежать в бомбоубежище, и в этот момент с силой распахнулась дверь. Я от неожиданности только и произнесла: «Бог ты мой». «Да не бог я» – слышалось в ответ. И мы оба застыли в молчании, глядя друг на друга в недоумении. Я от страха, а солдат от удивления: разговаривали то мы по-русски. Затем он долго смеялся, а я плакала от радости.

После проверки разрешили выехать на Родину, шел июнь 1945 года...»¹².

Из Шебекинского района на принудительные работы в Германию было отправлено, по данным немецкой управы, 320 чел., а по справке советского райисполкома, составленной в 1945 г., – 527 человек¹³. Всем им пришлось пережить тяжелые испытания. Многие не вернулись. У вернувшихся было подорвано здоровье. Но после возвращения их испытания не прекратились. Все они прошли через расследование НКВД, некоторых отправили в сибирские лагеря. Угон в Германию, как факт биографии, исковеркал жизни людей, многим не позволил самореализоваться, т.е. получить образование, устроиться на любимую работу.

Немецкий план освоения оккупированных территории дорого обошелся Шебекинскому району. Фашисты нанесли убытки на сумму в несколько десятков миллионов рублей. Например, в с. Нежеголь и на х. Пар стоимость отобранного гитлеровцами, похищенного и уничтоженного имущества, а также затраты по ремонту поврежденного были определены в 9 479 598 рублей¹⁴. Особенно большие убытки нанесли немцы, когда отступали. Они поступали так в соответствии с распоряжениями высшего фашистского руководства. Генрих Гиммлер в одном своем письме писал, ссылаясь на Гитлера: «... необходимо добиться, чтобы не осталось ни одного человека, ни одного домашнего животного, ни центнера зерна, ни одной рельсы; чтобы не сохранился ни один дом... ни одного колодца, который не был бы отравлен. Враг должен обнаружить действительно полностью выжженную и разрушенную страну...»¹⁵.

Красная армия и ее союзники приближались к Берлину. Германское правительство предчувствовало свой крах, но в соответствии с фашистской идеологией продолжало безнадежную борьбу. Гитлер и его окружение, пытаясь спастись, посылали на смерть своих сограждан. «Если немецкий народ когда-нибудь будет недостаточно сильным и жертвенным, чтобы платить кровью за свое собственное существование, то ему придется исчезнуть и

быть уничтоженным»¹⁶, – так говорил фюрер. Кроме того, в имперской экономике продолжали использовать труд людей, насильственно угнанных в Германию. Й. Геббельс: «Мы должны попытаться задержать их здесь до тех пор, пока берлинская промышленность вообще может работать. Ведь мы намерены добиваться, чтобы предприятия промышленности вооружений продолжали работать даже в случае окружения Берлина»¹⁷. Но как ни сопротивлялись фашисты, они потерпели поражение. Опасаясь справедливого возмездия за свои преступления, закончили жизнь самоубийством: Гитлер, Геббельс, Гиммлер. На международном процессе в Нюрнберге над военными преступниками Геринг, Розенберг, Заукель (создатели и ответственные за исполнение плана «ОСТ» и прилагающихся к нему указаний) пытались уйти от ответственности, сваливая всю вину на ушедших из жизни главарей немецкого фашизма. Международный Военный Трибунал вынес справедливое решение: «смертная казнь через повешение». Таким образом закончили свою жизнь люди, ставившие себя выше других, считавшие себя расой господ, создавшие для исполнения своей мечты бесчеловечный план «ОСТ».

Шебекинцы, пережившие оккупацию, насильственный угон, продолжали жить и восстанавливать свой район. Только во снах, по признаниям некоторых из них, они возвращались в тот ад, который им довелось пережить.

2001 год

---

¹ Фомин Т.В. Фашистская Германия во второй мировой войне. — М., 1978. — С. 277.

² Фест И. Адольф Гитлер.— Пермь, 1993. — Т. 3.— С. 241.

³ Там же. — С. 87.

⁴ Фомин В.Т. Указ. соч. — С. 279.

⁵ Фест И. Указ. соч. — С. 295.

⁶ Энциклопедия военного искусства. Командиры второй мировой войны. Ч. 2.— Минск, 1998. — С. 72.

⁷ НСА ШИХМ.

⁸ Там же.

⁹ Овчинников В.В. Память непокоренных. — Белгород, 2000. — С. 28.

¹⁰ Там же.— С. 28.

¹¹ ШИХМ. —НСА.

¹² Там же.

¹³ Поздняков Э.Н. Шебекино в период оккупации // Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг. — Белгород, 2000. — С. 98.

¹⁴ Шебекино — прифронтовая полоса. — Шебекино, 1970. — С. 63; Поясов С.А. ШИХМ КП 2460.

¹⁵ Фест И. Указ. соч.— С. 457.

¹⁶ Там же.—С. 294.

¹⁷ Геббельс Й. Последние записи. — Смоленск, 1993. — С. 234 — 235.